

СУИЦИДОЛОГИЯ

УДК 616.89-008.441.44-056.78:614.8.01:614.8.084

Для цитирования: Зотов П.Б. Профилактика постгомицидных самоубийств: роль СМИ и интернет-ресурсов. Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2022. № 4 (117). С. 64-71. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4\(117\)-64-71](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4(117)-64-71)

Профилактика постгомицидных самоубийств: роль СМИ и интернет-ресурсов

Зотов П.Б.

*ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России
Россия, 625023, Тюмень, ул. Одесская, 54*

РЕЗЮМЕ

Актуальность. В статье обсуждаются вопросы профилактики постгомицидных самоубийств (ПГСУ) в аспекте совершенствования политики предотвращения самоуничтожения. **Цель:** выделить ассоциированные со СМИ и интернет-ресурсами направления и меры профилактики ПГСУ в области общественного здравоохранения. **Обсуждение.** Данный вид патологических форм поведения встречается относительно редко. Недостаточное понимание механизмов формирования подобного рода преступлений (включая межличностные конфликты, недавние экстремальные события и психологические кризисы в жизни), неоднородность контингентов (по возрасту, расовым и социально-демографическим характеристикам, месту жительства), факторов (проблемы психического здоровья, семейный анамнез суицидального или агрессивного поведения) и групп риска затрудняют разработку эффективных мер профилактики. В работе обращается внимание на необходимость принятия ряда идеологических принципов освещения ПГСУ в средствах массовой информации (СМИ) и ресурсах интернет-пространства по сдерживанию сюжетов убийств и насилия. Предлагается перечень простых и четких мер, призванных ограничить искаженную и сенсационную информацию о совершении ПГСУ. Обоснована необходимость регламентирования мер обеспечения безопасности в отношении всех вовлеченных лиц при поступлении информации о наличии мыслей, представляющих опасность для других/самого себя, с вмешательством органов внутренних дел, сотрудников медучреждений и с привлечением специалистов в области психического здоровья в качестве консультантов. Высказывается предположение, что повышение информационной ответственности СМИ будет способствовать более качественному и профессиональному подходу при освещении ПГСУ, так как в реальности транслируемая иллюзорная система убеждений может повлиять на действия отдельных людей. В целом это позволит снизить негативную информационную нагрузку на население, а также ограничит возможность доступа к ней для лиц с девиантным поведением, потенциально способных воспроизводить данный вид трагедий. В качестве отдельного направления профилактической работы предлагается изучение индивидуальной представленности девиантных личностей в интернет-пространстве, характера публикуемого ими материала, его динамики и др.

Ключевые слова: постгомицидные самоубийства, суицид, профилактика, средства массовой информации, интернет-ресурсы.

ВВЕДЕНИЕ

В России в течение двух последних десятилетий регистрируется снижение численности самоубийств, а относительный показатель смертности приближается к нижней границе умеренного уровня (в 2020 г. – 11,3 на 100 тыс. населения) по классификации ВОЗ. Несмотря на отмеченную положительную динамику, количество избравших добровольную смерть значительно и занимает лидирующее положение среди других случаев смерти от внешних причин [1, 2, 3]. Это указывает на важность совершенствования традиционных и внедрения новых мер профилактики, изучения ассоциро-

ванных просуицидальных факторов, а также возможности формирования и/или актуализации индивидуальных и коллективных систем сдерживания [4, 5, 6]. Понимание того, что уровень самоубийств в популяции – потенциально регулируемый показатель, определяет высокую актуальность исследований в самых различных областях медицинских знаний – социальной политики, культуры и других сферах.

Самоубийство – трагичный исход жизни, часто связанный с неразрешением субъективно значимых и психологически сложных для человека ситуаций [7, 8, 9]. Однако личные проблемы индивида, стремящегося по разным моти-

вам свести счёты с жизнью, могут вовлекать других людей в трагический круг событий. В случае их желания разделить общую трагическую судьбу может заключаться пакт о совместном добровольном уходе из-за невозможности противостояния окружающему миру [10, 11]. В других ситуациях самоубийству предшествуют убийства близких, а иногда и других людей, нередко имеющих к агрессору лишь косвенное отношение или вообще случайно попавших в его поле зрения. Последний вариант трагедии относится к так называемым постгомицидным самоубийствам (ПГСУ).

ПГСУ – сложный и малоизученный феномен, объединяющий под единым термином самые различные формы трагедий, включающих убийство жертвы (жертв) и самоубийство инициатора преступления [12, 13, 14]. Среди неоднородных категорий благодаря СМИ чаще более известными и имеют больший социальный резонанс становятся ПГСУ, связанные с расстрелами групп людей в общественных местах (учебные заведения, торговые центры, авиакатастрофа и др.) [15, 16]. Мотивы совершающих эти деяния изначально преступны [17, 18]. На другом конце этого ряда – трагедии, среди причин которых могут быть психологически понятные гуманистические мотивы (убийство из сострадания), указывающие на нелёгкий выбор человека, когда он становится преступником и одновременно жертвой, убивая себя, принимая ответственность за содеянное [17, 19].

В настоящее время ПГСУ – относительно редкое событие. Статистические данные по отдельным регионам мира сильно разнятся, что может быть обусловлено целым рядом причин, в том числе отсутствием данной категории и/или различием в подходах их учёта. Данные, приводимые в отдельных исследованиях, показывают, что в разных странах показатель распространённости ПГСУ, рассчитанный на 1 миллион населения колеблется в пределах от 0,5 до 8,9 случая [13, 18, 20]. В России эта цифра пока не преодолела средний уровень – 3 [21]. Общей тенденцией является рост числа этих преступлений. Приводятся общие характеристики ПГСУ: преобладание в категории преступников мужчин (чаще молодого и пожилого возрастов) [22, 23, 24], более частая направленность агрессивных действий на членов семьи (семейные и супружеские ПГСУ) [18, 23], женщины при совершении ПГСУ чаще убивают своих детей [18, 20], нередко преступление приходится на послеродовой период [25, 26].

Необходимость поиска возможностей предупредить подобные трагедии безусловна, реальные же достижения на текущий момент минимальны. Во многих случаях даже потенциально эффективные и простые меры практически не используются. Среди основных причин – недостаточное понимание механизмов формирования подобного рода девиантного поведения, неоднородность континентов, факторов и групп риска (как жертв, так и инициаторов преступления/преступников), нередко бездействие лиц, отвечающих за безопасность, психологический климат в микрогруппе, у отдельных индивидов – отсутствие навыков преодоления стресса, элементарного уважения к личности, внимания и человеческого тепла [17, 18].

Отмеченные факторы являются причиной малой изученности ПГСУ в целом, что определяет не только сложности формирования стратегий превенции, но и указывает на важность разработки и внедрения эффективных мер профилактической работы [27].

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выделить ассоциированные со СМИ и интернет-ресурсами направления и меры профилактики ПГСУ в области общественного здравоохранения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Опыт работы в области суицидальной превенции и анализ доступных источников литературы свидетельствуют о том, что, несмотря на указанные сложности, есть возможность выделить ряд направлений, развитие которых может принести определённые успехи в снижении числа бесповоротных трагедий. Принципиально отметить, что ПГСУ – как минимум бивалентный феномен, и традиционные меры, предлагаемые для профилактики только самоубийств, не могут быть в полном и стереотипном формате перенесены на этот тип девиантного поведения. Они также должны предполагать некоторые другие дополнительные действия, реализуемые в работе по превенции убийств, преступлений, преступной деятельности и ряд других, в том числе в регулировании законодательной и нормативной базы [17, 28].

Безусловно, каждая из отмеченных ниже мер не универсальна и не может рассматриваться в качестве «контрольного списка» при планировании превентивной работы тем или иным учреждением, ведомством. Вполне обоснованно можно допустить более значимое влияние некоторых из них, в том числе в сочетании с другими действиями, для профилактики отдельных видов ПГСУ [27].

Важно обозначить, что профилактические мероприятия могут быть рассчитаны и эффективны лишь при ориентировании их на *изменяемые* факторы. Такие базовые, статические социально-демографические характеристики – как пол, возраст и этническая принадлежность, учитывая их неизменный характер, не могут быть изменены профилактическими мерами. Объектом профилактической работы являются *условные*, подверженные динамическим изменениям (индивидуальные личностные и психопатологические особенности, анамнез агрессивного поведения по отношению к себе или другим), а также *ситуативные* факторы, действующие в короткий или относительно короткий период времени, например, проблемы в межличностных и семейных отношениях, финансовые трудности и др. [12].

У отдельного виновника трагедии условные и ситуативные факторы сочетаются, но роль отдельных из них, как правило, более значима, в связи с чем направления профилактики преступления и последующего самоубийства, помимо системных действий, должны быть ориентированы и на индивидуальную работу.

Среди наиболее значимых факторов и мер профилактики можно выделить следующие:

1. *СМИ, включая интернет-ресурсы*, можно отнести к ведущему фактору, потенцирующему распространение ПГСУ в России и мире [29, 30].

ПГСУ как информационный повод имеет достаточно большую ценность для СМИ благодаря тому, что: 1) потенциально способен одномоментно привлечь к событию большое количество самых различных социальных слоёв населения; 2) имеется возможность неоднократного обращения к теме и длительного удержания внимания аудитории; 3) повод сам по себе обычно политически нейтрален, что даёт возможность его использования независимо от внешней ситуации; 4) по причине нейтральности может быть вариантом смещения акцентов с других важных социальных, экономических и/или политических вопросов. Получая в руки подобный ресурс, СМИ часто стараются получить максимальное привлечение аудитории, используя в качестве инструментов механизмы углубления в тему, включая элементы истории подобных событий. Сюжеты быстро наполняются данными об аналогичных преступлениях с подробными описаниями трагедий, количеством жертв, нередко с указанием конкретных фамилий и имён преступников, их

других персонифицированных сведений, что категорически запрещено для распространения законами во многих странах мира.

Негативным фактом часто становится открытый непрофессиональный и зачастую низкокачественный разбор и обсуждение подробностей трагедии, особенно личности преступника. Нередко это придаёт его поведению элементы фиктивной героизации, оправдания преступления, а в отдельных случаях искусственно создает перенос вины за содеянное на жертву. Вследствие необдуманности таких действий имена преступников становятся широко известны и часто переходят в категорию эфемерно знаковых, воспринимаемых патологической личностью как пример для подражания и инструмент вхождения в Историю [30, 31].

С учётом этих фактов необходимы качественные изменения работы СМИ и интернет-ресурсов в вопросах освещения случаев ПГСУ. В качестве непосредственных профилактических мер можно выделить следующие направления: 1) обязательное включение в перечень профессиональных компетенций сотрудников СМИ знаний и навыков правил освещения ПГСУ (в том числе самоубийств, убийств, агрессии и др.); 2) обязательное привлечение в качестве консультантов и/или интервьюеров специалистов в области психического здоровья; 3) максимальное сокращение в СМИ количества сюжетов о ПГСУ (в случае, если это не носит массовый характер – семейные и др. – решение вопроса в сторону предпочтительного отказа от выведения в эфир); 4) при создании видеосюжетов лучше всего отказаться или максимально сократить фактический материал, не упоминать реальных ФИО виновников, обеспечивать минимальный разбор подробностей прошлых преступлений; 5) усиление контроля со стороны соответствующих федеральных органов за интернет-ресурсами, предоставляющих информацию о ПГСУ и смежных темах.

Вторым разделом этой работы, на наш взгляд, является необходимость более широкого изучения и использования в системе профилактики *индивидуальных интернет-ресурсов преступников и их внешний контроль*. Данное направление превентивной работы включает поиск, правомерный и глубокий анализ информации, сообщаемой в сетевой доступ самим потенциальным преступником. В большинстве случаев речь идёт о планируемых преступлениях, как правило, с угрозой большого количества жертв.

Анализ таких случаев ПГСУ указывает на ряд особенностей поведения будущего агрессора, среди которых выкладывание в открытый сетевой доступ информации с подробным описанием сценария, мотивов преступления и прямым указанием жертв, иногда места и точной даты будущей трагедии [15, 28]. Ретроспективный анализ личных страниц в соцсетях многократно указывает на достаточно подробное освещение планов агрессора за достаточно длительный период до события, нередко за несколько месяцев. Самое удивительное, это может происходить на фоне отсутствия каких-либо действий со стороны ближайшего окружения агрессора, включая будущих жертв, на данную информацию, а также её игнорирование другими заинтересованными структурами.

Тем не менее такое поведение в соцсетях позволяет потенциально указать на возможность своевременного выявления большинства подобного контингента, понимания мотивов, сокращения риска и предупреждения трагедии [32, 33]. Вопрос «Кто это должен делать?» в большинстве случаев можно адресовать структурам безопасности учебных заведений. Основание тому – большинство агрессоров, совершающих подобные преступления, являлись учащимися колледжей или студентами вузов в текущее время либо выпускниками или отчисленными в течение последних лет. Чаще всего такие молодые люди не остаются незамеченными сокурсниками и преподавателями благодаря внешним атрибутам, манерам поведения, высказываемым идеям и необычному, часто девиантному поведению. Среди индивидуальных признаков могут быть частая агрессия (вербальная и физическая), предпочтение стиля милитари в одежде, тату, чтение литературы соответствующего содержания, ношение холодного оружия (чаще ножи) и др. Внешними элементами могут быть социальное и материальное неблагополучие, сложности общения с сокурсниками, нередко открытое и неоднократное озвучивание угроз, адресованных отдельному индивидууму и/или группе, и др.

В связи с этим в задачи психологической службы учебных заведений, помимо традиционного очного выявления лиц из групп риска, должны обязательно входить поиск и изучение личных страничек этих молодых людей в соцсетях с предложением им условий и возможности психологической поддержки. При выявлении негативной и угрожающей информации – уведомление сотрудников полиции.

Учитывая, что это может быть учащийся либо студент, ранее окончивший или отчисленный из учебного заведения, целесообразно осуществлять динамический контроль за его девиантной активностью в соцсетях. При выявлении признаков социальной угрозы и/или жизни отдельного человека или коллектива необходимо информирование правоохранительных органов.

Подобная функция сегодня не включена в перечень обязанностей специалистов психологической службы, однако учитывая возможность высокого превентивного эффекта данной меры, она вполне может быть рекомендована с целью совершенствования системы помощи. Временной период наблюдения может быть определён при разработке соответствующих нормативных документов, например, в течение последующих 3-5 лет. Предполагая оптимальный вариант развития этой технологии, можно внедрить систему преемственности с передачей информации в психологическую службу того учреждения, в которое молодой человек переходит учиться или работать.

В целом данное направление профилактической работы психологической службы учебного заведения должно включать: 1) формирование групп риска (непризнание или полное отторжение в учебном коллективе, внешние признаки девиантного поведения, социальные и психологические факторы, включая условия жизни и отношения в семье, материальное положение и др.); 2) поиск и изучение страниц в соцсетях лиц из групп риска на предмет девиантного поведения и планирования агрессивных актов; 3) предоставление возможности и условий оказания психологической помощи и сопровождения молодым людям из групп риска; 4) динамическое наблюдение за молодым человеком, покинувшим учебное заведение в течение последующих 3-5 лет или до момента передачи под контроль учреждения, куда он переходит учиться или работать; 5) в случае выявления фактов планирования агрессивных действий в отношении другого человека или группы лиц незамедлительное информирование правоохранительных органов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПГСУ является самостоятельным, редким и малоизученным видом противоправного поведения, что объективно затрудняет возможность не только четко сформировать предполагаемые направления профилактики, но и определить конкретные меры превентивной работы.

Можно с высокой долей уверенности предположить, что широкое внедрение рекомендуемых мер в работу СМИ и интернет-ресурсов, сотрудничество с масс-медиа специалистов в области психического здоровья в качестве консультантов будут способствовать более качественному и профессиональному подходу при освещении ПГСУ – последовательному, актуальному и надежному. Это позволит снизить негативную информационную нагрузку на население в целом, а также ограничить возможность доступа к ней для лиц с девиантным поведением, потенциально способных воспроизводить данный вид трагедий. С позиций превентивной работы вполне определённый интерес может иметь и акцент на изучении их индивидуальной представленности в интернет-пространстве, характера публикуемого ими материала, его динамики и др.

В целом представленные материалы позволяют высказать лишь первые и достаточно общие рекомендации. Однако перспектива дальнейших исследований, в том числе по практической реализации ряда ключевых направлений и оценке их эффективности, даёт определённые надежды на разработку доказательной научно обоснованной программы профилактики ПГСУ и снижение смертности от этих преступлений в нашей стране.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование не имело спонсорской поддержки.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Демографический ежегодник России. 2021. М., 2021. 256 с. Demographic Yearbook of Russia. 2021. Moscow, 2021:256 (in Russian).
2. Кекелидзе З.И., Положий Б.С., Бойко Е.О., Васильев В.В., Евтушенко Е.М., Каменщиков Ю.Г., Руженков В.А., Руженкова В.В., Сахаров А.В., Ступина О.П., Тимербулатов И.Ф. Суициды в период отмены пандемической самоизоляции и смягчения ограничительных мер (сообщение 2). Российский психиатрический журнал. 2020. № 5. С. 13-23. Kekelidze ZI, Polozhy BS, Boyko EO, Vasiliev VV, Evtushenko EM, Kamenshchikov YuG, Ruzhenkov VA, Ruzhenkova VV, Sakharov AV, Stupina OP, Timerbulatov IF. Suicides during the period of lifting pandemic self-isolation and mitigation of restrictive measures (Part 2). Russian Journal of Psychiatry. 2020;5:13-23. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10502 (in Russian).
3. Ворсина О.П. Суицидальное поведение населения Иркутской области в 2019 году. Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2020. № 3 (108). С. 92–101. Vorsina OP. Suicidal behavior of the population of the Irkutsk Region in 2019. Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry. 2020;3(108):92-101. DOI: 10.26617/1810-3111-2020-3(108)-92-101 (in Russian).
4. National suicide prevention strategies: progress, examples and indicators. World Health Organization. 2018:64.
5. Положий Б.С. Современные подходы к превентивной суицидологии. Суицидология. 2021. Т. 12, № 1 (42). С. 73-79. Polozhy BS. Modern approaches to preventive suicidology. Suicidology. 2021;12,1(42): 73-79. DOI: 10.32878/suiciderus.21-12-01(42)-73-79 (in Russian).
6. Бохан Н.А., Воеводин И.В., Мандель А.И., Аболонин А.Ф. Суицидальное и парасуицидальное поведение среди высокообразованной молодежи: дихотомия формирования и дифференцированные возможности когнитивно-поведенческой копинг-терапии. Суицидология. 2019. Т. 10, № 1 (34). С. 27-35. DOI: 10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-27-35 Bokhan NA, Voevodin IV, Mandel AI, Abolonin AF. Suicidal and parasuicidal risk-taking behaviour among the highly educated young people: dichotomy of forming and differentiated abilities of cognitive-behavioural coping-therapy. Suicidology. 2019;10,1(34):27-35. DOI: 10.32878/suiciderus.19-10-01(34)-27-35 (in Russian).
7. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения. Методические рекомендации. М., 1980. 58 с. Ambrumova AG, Tikhonenko VA. Diagnostics of suicidal behavior. Guidelines. Moscow, 1980:58 (in Russian).
8. Сыроквашина К.В. «Психологическая аутопсия» при суициде: история вопроса и современное состояние. Суицидология. 2018. Т. 9, № 3 (32). С. 80-86. Syrokvashina KV. "Psychological autopsy" in case of suicide: the history of the question and state-of-the-art. Suicidology. 2018;9,3(32):80-86. DOI: 10.32878/suiciderus.18-09-03(32)-80-86 (in Russian).
9. Розанов В.А., Прокопович Г.А., Лодягин А.Н., Синенченко А.Г. Современные модели суицидального поведения подростков и молодежи – значение для практического здравоохранения. Девиантология. 2020. Т. 4, № 1 (6). С. 45-54. Rozanov VA, Prokopovich GA, Lodyagin AN, Sinenchenko AG. Current models explaining suicidal behaviours in adolescents and young adults: importance for health care. Deviant Behavior (Russia). 2020;4,1(6):45-54. DOI: 10.32878/devi.20-4-01(6)-45-54 (in Russian).
10. Филоненко А.В., Голенков А.В., Филоненко В.А. Пакт о самоубийстве. Академический журнал Западной Сибири. 2022. Т. 18, № 1 (94). С. 10-14. Filonenko AV, Golenkov AV, Filonenko VA. Suicide pact. Academic Journal of West Sibe-

- ria. 2022;18,1(94):10-14. DOI: 10.32878/sibir.22-18-01(94)-10-14 (in Russian).
11. Любов Е.Б. Суицидальный договор в картинах и образах. Часть I: определение, типология, распространённость и способы. Суицидология. 2022. Т. 13, № 2 (47). С. 28-49. Lyubov E.B. Suicidal contract in pictures and images. Part I: definition, typology, prevalence and methods. Suicidology. 2022;13,2(49):28-49. DOI: 10.32878/suiciderus.22-13-02(47)-28-49 (in Russian).
 12. Liem M, Barber C, Markwalder N, Killias M, Nieuwbeerta P. Homicide-suicide and other violent deaths: an international comparison. *Forensic Sci Int*. 2011 Apr 15;207(1-3):70-6. doi: 10.1016/j.foresciint.2010.09.003. Epub 2010 Oct 8. PMID: 20933346.
 13. Large M, Smith G, Nielssen O. The epidemiology of homicide followed by suicide: a systematic and quantitative review. *Suicide Life Threat Behav*. 2009 Jun;39(3):294-306. doi: 10.1521/suli.2009.39.3.294. PMID: 19606921.
 14. Rouchy E, Germaud E, Garcia M, Michel G. Characteristics of homicide-suicide offenders: A systematic review. *Aggress. Violent. Behav*. 2020; 55. Nov-Dec. 101490.
 15. Узлов Н.Д., Семенова М.Н. Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт. Суицидология. 2021. Т. 12, № 4 (45). С. 16-30. Uzlov ND, Semenova MN. School shooting: murder and post-homicidal suicide as a transgressive act. *Suicidology*. 2021;12,4(45):16-30. DOI: 10.32878/suiciderus.20-12-04(45)-16-30 (in Russian).
 16. Голенков А.В. Авиакатастрофа как способ самоубийства. *Девиянтология*. 2020. Т. 4, № 2. С. 3-7. Golenkov AV. Airplane crash as a method of suicide. *Deviant Behavior*. 2020;4(2):3-7 DOI: 10.32878/devi.20-4-02(7)-3-7(in Russian).
 17. Liem M, Nieuwbeerta P. Homicide followed by suicide: a comparison with homicide and suicide. *Suicide Life Threat Behav*. 2010 Apr;40(2):133-45. doi: 10.1521/suli.2010.40.2.133. PMID: 20465348.
 18. Голенков А.В. Постгомицидные самоубийства. Суицидология. 2018. Т. 9, № 3 (32). С. 3-15. Golenkov AV. Post-homicide suicides. *Suicidology*. 2018; 9,3(32):3-15. DOI: 10.32878/suiciderus.18-09-03(32)-3-15 (in Russian).
 19. Филоненко А.В., Голенков А.В., Филоненко В.А., Сергеева А.И. Суицидально-гомицидное поведение опекунов лиц с деменцией. Суицидология. 2022. Т. 13, № 2 (47). С. 61-73. Filonenko AV, Golenkov AV, Filonenko VA, Sergeeva AI. Suicidal-homicidal behavior of carers of persons with dementia. *Suicidology*. 2022;13,2(47):61-73. DOI: 10.32878/suiciderus.22-13-02(47)-61-73 (in Russian).
 20. Liem M, Oberwittler D. Homicide followed by suicide in Europe. In: *Handbook of European homicide research*. Publisher: Springer. Editors: Liem, Pridemore, 2012:197-215.
 21. Голенков А.В., Орлов Ф.В., Бульгина И.Е., Деомидов Е.С. Постгомицидные самоубийства в России. Суицидология. 2019. Т. 10, № 2 (35). С. 32-41. Golenkov AV, Orlov FV, Bulygina IE, Deomidov ES. Post-homicide suicides in Russia. *Suicidology*. 2019;10,2(35):32-41. DOI:10.32878/suiciderus.19-10-02(35)-32-41 (in Russian).
 22. Голенков А.В. Подростковые постгомицидные самоубийства. Суицидология. 2020. Т. 11, № 2 (39). С. 3-14. Golenkov AV. Adolescent post-homicide suicides. *Suicidology*. 2020;11(2):3-14. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-3-14 (in Russian).
 23. Зотов П.Б., Спадерова Н.Н., Лебедев А.В. Постгомицидные самоубийства в Тюменской области (2008-2020 гг.). Научный форум. Сибирь. 2021. Т. 7, № 2. С. 34-39. Zotov PB, Spaderova NN, Lebedev AV. Post-homicidal suicides in the Tyumen Region (2008-2020). *Scientific Forum. Siberia*. 2021;7(2):34-39 (in Russian).
 24. Голенков А.В. Постгомицидные самоубийства лиц пожилого возраста. *Девиянтология*. 2021. Т. 5, № 1 (18). С. 9-13. Golenkov AV. Post-homicidal suicide in the elderly. *Deviant Behavior*. 2021;5,1(18):9-13. DOI: 10.32878/devi.21-5-01(8)-9-13 (in Russian).
 25. Совков С.В. Особенности суицидального поведения у женщин с послеродовой депрессией. Тюменский медицинский журнал. 2013. Т. 15, № 3. С. 13-14. Sovkov SV. Features of suicidal behavior in women with postpartum depression. *Tyumen Medical Journal*. 2013;15(3):13-14 (in Russian).
 26. Голенков А.В., Филоненко В.А., Сергеева А.И., Филоненко А.В. Суицидальная опасность послеродовой депрессии. *Академический журнал Западной Сибири*. 2021. Т. 17, № 1 (90). С. 32-36. Golenkov AV, Filonenko VA, Sergeeva AI, Filonenko AV. The suicidal danger of postpartum depression. *Academic Journal of West Siberia*. 2021;17,1(90):32-36 (in Russian).
 27. Rice TR, Sher L. Preventing plane-assisted suicides through the lessons of research on homicide and suicide-homicide. *Acta Neuropsychiatr*. 2016 Aug;28(4):195-8. doi: 10.1017/neu.2015.67. Epub 2015 Dec 23. PMID: 26694879.
 28. Морозов В.И., Абдулвалиев А.Ф., Толстолужинская Е.М. Уголовно-правовое и криминалистическое обеспечение суицидологии. Суицидология. 2021. Т. 12, № 3 (44). С. 88-113. Morozov VI, Abdulvaliev AF, Tolstoluzhinskaya EM. Criminal and criminological procuring of suicidology. *Suicidology*. 2021;12,3(44):88-113. DOI: 10.32878/suiciderus.21-12-03(44)-88-113 (in Russian).
 29. Антонова Н.Д., Голенков А.В. Освещение случаев убийств и самоубийств в региональных средствах массовой информации. *Академический журнал Западной Сибири*. 2022. Т. 18, № 1 (94). С. 3-7. Antonova ND, Golenkov AV. Coverage of homicides and suicides in the regional mass media. *Academic Journal of West Siberia*. 2022;18,1(94):3-

7. DOI: 10.32878/sibir.22-18-01(94)-3-7 (in Russian).
30. Flynn S, Gask L, Shaw J. Newspaper reporting of homicide-suicide and mental illness. *BJPsych Bull.* 2015 Dec;39(6):268-72. doi: 10.1192/pb.bp.114.049676. PMID: 26755983; PMCID: PMC4706221.
31. Любов Е.Б. СМИ и подражательное суицидальное поведение. Часть I. Суицидология. 2012. Т. 3, № 3 (8). С. 20-29. Lyubov EB. Mass media and copycat suicidal behavior: Part I. *Suicidology.* 2012; 3: 20-29 (in Russian).
32. Меринов А.В., Газарян З.Е., Жилова Я.Н., Меринов Н.Л. Instagram – зеркало тревожных и депрессивных расстройств? *Девиянтология.* 2021. Т. 5, № 2 (9). С. 14-21. Merinov AV, Gazaryan ZE, Zhilova YaN, Merinov NL. Is Instagram a mirror of anxiety and depressive disorders? *Deviant Behavior.* 2021;5,2(9):14-21. DOI: 10.32878/devi.21-5-02(9)-14-21 (in Russian).
33. Евсеев В.Д., Пешковская А.Г., Мацута В.В., Мандель А.И. Несуицидальные самоповреждения (NSSI) и их связь с цифровыми данными социальной сети. *Академический журнал Западной Сибири.* 2020. Т. 16, № 3 (86). С. 38-41. Evseev VD, Peshkovskaya AG, Matsuta VV, Mandel AI. Non-suicidal self-injuries (NSSI) and online social networks. *Academic Journal of West Siberia.* 2020;16,3(86):38-41 (in Russian).

Поступила в редакцию 01.09.2022
Утверждена к печати 28.11.2022

Зотов Павел Борисович – д.м.н., профессор, директор Института клинической медицины ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. SPIN-код 5702-4899. ResearcherID U-2807-2017. ORCID iD 0000-0002-1826-486X.

✉ Зотов Павел Борисович, note72@yandex.ru

UDC 616.89-008.441.44-056.78:614.8.01:614.8.084

For citation: Zotov P.B. Prevention of post-homicidal suicides: the role of the mass media and Internet resources. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2022; 4 (117): 64-71. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4\(117\)-64-71](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4(117)-64-71)

Prevention of post-homicidal suicides: the role of the mass media and Internet resources

Zotov P.B.

*Tyumen State Medical University
Odesskaya Street 54, 625023, Tyumen, Russian Federation*

ABSTRACT

Background. The article discusses the issues of prevention of post-homicidal suicides (PHS) in the aspect of improving the policy of preventing self-destruction. **Objective:** to highlight the directions and measures of prevention of (PHS) in the field of public health associated with the mass media and Internet resources. **Discussion.** This type of pathological forms of behavior is relatively rare. Insufficient understanding of the mechanisms of formation of this kind of crimes (including interpersonal conflicts, recent extreme events and psychological crises in life), heterogeneity of contingents (by age, racial and socio-demographic characteristics, place of residence), factors (mental health problems, family history of suicidal or aggressive behavior) and risk groups make it difficult to develop effective prevention measures. The paper draws attention to the need to adopt a number of ideological principles for the coverage of (PHS) in the media (mass media) and resources of the Internet space to contain plots of murder and violence. A list of simple and clear measures is proposed to limit distorted and sensational information about the commission of PHS. The necessity of regulating security measures for all involved persons is substantiated when information is received about the presence of thoughts that pose a danger to others/oneself, with the intervention of employees of medical institutions, internal affairs bodies and with the involvement of specialists in the field of mental health as consultants. It is suggested that an increase in the informational responsibility of the media will contribute to a better and more professional approach when covering PHS since in reality the broadcasted illusory belief system can affect the actions of individuals. In general, this will reduce the negative information load on the population, as well as limit the possibility of access to it for persons with deviant behavior, potentially capable of reproducing this type of tragedy. As a separate area of preventive work, it is proposed to study the individual representation of deviant personalities in the Internet space, the nature of the material they publish, its dynamics, etc.

Keywords: post-homicidal suicides, suicide, prevention, mass media, Internet resources.

Received September 01.2022

Accepted November 28.2022

Zotov Pavel B. – MD in Medicine, Professor, Director of the Institute of Clinical Medicine, Tyumen State Medical University. SPIN-code 5702-4899. ResearcherID U-2807-2017. ORCID iD 0000-0002-1826-486X.

✉ Zotov Pavel B., note72@yandex.ru